

*Болит душа, болит душа, болит душа...
И что делать с этой болью – я не знаю.
Но только при боли я и согласен жить,
Это есть самое дорогое мне и во мне.*
Василий Розанов

Проснулся. Еще одно утро. Сколько еще таких утр осталось?.. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Довольно ранний звонок. Раньше я таких звонков боялся. Сейчас как-то спокоен – сколько уже было известий... Привыкаем.

– Отец Евгений, я Илья, сын Виктора Тырданова, передаю ему трубку.

– Илья, рад тебя слышать! Ты же мой крестник, и на службах я тебя поминаю, хотя не видел с момента крещения. Скажи сам-то что-нибудь.

– Я передаю папе трубку.

Голос Виктора тихий и невнятный:

– Приболел я, не приедешь ли меня причастить?

– Бог даст непременно! Что с тобой? Мы же с тобой недели три назад говорили, ты был бодр и весел, и юмор твой был с тобой.

– Приболел я и очень жду тебя...

Была суббота. Съездить до Всенощной напряжно. Условились в воскресенье, сразу же после Литургии.

Виктор лежал в постели обнаженный до пояса, хотя в комнате было не жарко. Только потом я сообразил, что, наверное, была трудность с дыханием, но цвет тела и лица не вызывал каких-то опасений. Напротив, вид его напомнил мне первое наше знакомство. Это было в районе невосстановленной еще церкви Иоанна Предтечи – начало Рождественской улицы, тогда Маяковской. Богатырская грудь, белая рубашка. Помнится, тогда и Рая была с ним. Оба в белом, с улыбающимися лицами. Верная помощница, она всю жизнь ходила за ним как за ребенком, трепетно и ревностно почитая его талант. Сама она тоже художник: вспомнилась иконопись и шитье ее – пелена преподобного Сергия Радонежского, тонкая, изысканная по цвету вещь.

А сейчас ее нет. Уже два года как Раиса отошла ко Господу, и в комнате отсутствие женской руки сильно ощущается. Сын Илья живет в Москве. У него семья: жена, трое детей. Бывает у отца наездами, не доوبرки.

Приготовил частичку Святого Причастия и начал читать молитвы. Потом с Крестом и Евангелием повернулся к болящему.

– Я тебя очень ждал. Все-таки мы близкие и давно знаем друг друга. Так легче исповедаться. Так получилось, давно не исповедался.

Сын вышел на кухню. Мне подумалось, что будут какие-то особенные грехи, но он, сказав о некоторых переживаниях, не свойственных старости (ему в феврале исполнилось 80 лет), неожиданно для меня начал подробно описывать события в Москве в 90-е годы. Виктор, отец Леонид и какой-то совсем молодой юноша активно участвовали в тогдашних сходках и могли легко оказаться в смертельной опасности...

– Не вижу здесь греха, – говорю я, а он продолжает и поминает какого-то офицера, который спас положение дел. И добавляет: «Отец Леонид тогда тому юноше одел крестик нательный. Снял с себя и одел. И послал его в Белый дом». Еще что-то невнятное шептал, а я, решив заканчивать рассказ, начал читать совершительную молитву...

Виктор причастился с радостью. Говорю: «Надо бы пособороваться, но мне сейчас трудно. Постараюсь завтра приехать». Условились с Ильей созвониться. Утром он звонит, а у меня резко давление поднялось, надо отлежаться. Прошу отложить или молодого батюшку попросить прийти пособоровать, у них там совсем недалеко церковь в честь иконы Божией Матери «Умиление».

Дальше все пошло «в штопор». В этот же день, в половине второго, звонит Илья и говорит: «Папа умер, но пособоровать все же успели. Батюшка из «Умиления» совершил таинство, а вскоре после его ухода папа скончался. Неожиданно. Видимо, сработали сердечные болячки. Для нас тем более неожиданно: мы про болячки не знали.

В среду Виктора отпевали в церкви «Умиления». С транспортной неурядицей я приехал с опозданием – священник читал Евангелие. Среди присутствующих я увидел много знакомых: священника, художников, друзей. После разрешительной молитвы священник вдруг предложил мне сказать слово.

Сказал о том, что Виктор – художник номер один. Его палитра, колорит – отличен. Он знал толк в красках, и краски его были изысканным цветом всегда. В советское время в какой-то период он ставил памятники солдатам войны в рабочих поселках, и скульптуры его были добротны, с чувством, профессионально сработаны, хотя он не был скульптором. А главное, Виктор пришел к церковному искусству, к стенописи. Посмотрите его «фреску» в нижегородском Крестовоздвиженском монастыре. Там в трапезной изображение во всю стену: евангельский сюжет-притча о мудрых и неразумных девах. Примерная для художников работа... А нынче вот смерть, врасплох, хотя и были серьезные болячки, но мы всегда не успеваем. Господь призвал. Вечная ему память.

На обратном пути домой – воспоминания, связанные с Тырдановым. Одно за другим. Но прежде о совпадениях, каких-то невидимых связующих. Буквально на следующий день мне приносят материал – извлечение из Интернета. Народный артист России Николай Бурляев создал документальный фильм «Отменивший войну» о событиях октября 1993 года. Он посвящен полковнику Владимиру Келехсаеву и его боевым товарищам.

...В ночь с 3 на 4 октября 1993 года Борис Ельцин отдал приказ о штурме Белого дома. Президент потребовал от спецподразделений «Альфа» и «Вымпел» зачистить Белый дом. Однако элитные подразделения, выполняя решение своих командиров – генералов Зайцева и Герасимова – действовали по собственному плану. Исключив силовые методы и понимая, какие большие жертвы могут быть, офицеры спецназа госбезопасности спасли сотни человеческих жизней. Именно Владимир Келехсаев вместе со своим сослуживцем вошел в горящий Белый дом, который утром был подвергнут варварскому обстрелу из танковых орудий, провел переговоры с депутатами, убедив их покинуть здание. Та-

ким образом, вопрос в итоге был решен мирным путем — бойня была прекращена.

Вот что рассказывает участник тех событий полковник Сергей Милицкий:

— Когда наш командир решил идти на переговоры, мы положили у ног оружие, тем самым показав, что не будем стрелять, что бы не случилось. Владимир Ильич взял на себя ответственность и своими действиями спас многих. Мы не думали о политике — мы спасали людей. А за свое решение Келехсаев мог серьезно ответить, но он не испугался.

Данная история легла в основу фильма «Отменивший войну».

Так вот что беспокоило Виктора Тырданова на исповеди и затмило личное. Очень похоже на него. Помнится, он всегда держал и отстаивал патриотические поступки и, как выяснилось, в тот жуткий период сердечно участвовал в них.

Вспоминается наша с Виктором совместная работа в храме села Бабурино Ярославской области. Это были 70-е годы. В тот период я работал в Художественном Фонде при Союзе художников и познакомился с Людмилой Журавлевой, приехавшей из Москвы по окончании мону-ментального факультета Художественного института. Она была профессионалом по части стенной росписи, и у нас сколачивалась небольшая бригада. Но объем оказался не по силам и мы пригласили Виктора Тырданова. У него тогда в этой области не было опыта, и, думается, что тот совместный труд оказался полезным для всех.

Мы пели еще песни. Виктор умел это и делал красиво. Насколько мне помнится, его сольным номером всегда оказывался «Черный ворон». Припеться было невозможно, и все утихали, а он пел: «Ты добычи не дождешься, черный ворон, я не твой»...

Листая свой фотоальбом, вспоминаю. Мы на лестнице Дома архитекторов: Галина Скотина, Николай Мидов, я, Виктор Тырданов, так сказать, родственные души. Это тоже 70-е годы. Искусствоведом Ларисой Помыткиной была организована выставка работ Галины Скотиной. На общей фотографии, в зале, с нами еще Лариса Помыткина и архитектор Макаров. Было почетно выставляться в Доме архитекторов, и Лариса, уважаемый в городе искусствовед, любящая Галину как оригинального художника, по-доброму использовала такую возможность. Тогда балахнинскую художницу узнали в Нижнем Новгороде. В то время Галину приняли в Союз художников. Виктора Тырданова тоже примут в Союз художников, но значительно позже.

В те годы он подарил мне сравнительно большого размера этюд. Это был уже почти законченный пейзаж: известное нижегородское место от Ивановской башни кремля: крыши домов старого города на фоне двух рек, Стрелка. Серый день, и очень все сколочено по цвету, помню колорит до сих пор. Вскоре он попросил работу на выставку, и так она ко мне не вернулась. Пожалел, но не осудил, я бы тоже, наверное, так мог поступить. Виктор знал цену своим работам, и «цена» была правильной. Он мог, вручая подарок, на ухо шепнуть: «Маленький шедевр!».

В его работах не было краски и разбела (можно ведь приличные картинки делать — раскрашивать), у него всегда был найден цвет, касалось ли это общего колорита холста или самого малого размера картонки-этюда.

А сейчас у меня есть две его вещицы. Одна из них — этюд. В Коровине у Тырдановых был домик. Эта деревенька примыкает к селу Кресты, где Витя ходил на клирос. Батюшка там был отец Николай Балабаев, бывший художник и фотограф, любитель и знаток иконописного, церковного искусства. На этом этюде большую часть картона занимает склон земли и нерастаявший еще пласт снега. Далее — полоска домиков, не проработанных, только на одном чуть обозначено окошко. Серое небо, деревце и мало заметная фигурка в синем... Так и хочется продолжить в мастерской: взять холст, увеличить и просто скопировать с этюда.

И будет под стать какому-нибудь Курбе или Коро, французским пейзажистам. Думается, что Виктор почитал их.

А еще у меня есть рисунок Виктора. Я помню, что он был сделан при мне. Может, это было в нашей с Мидовым мастерской на Свердловке-Покровке. Мы были заняты каждый своим делом, а Витя рисовал автопортрет. Как бы автопортрет, потому что он сделал себя как ангела. Возможно, в тот период он уже начинал писать в Церкви и много перебирал книг, репродукций такого рода, и невольно обобщал, склоняясь к ангельским ликам, подражая мастерам древним и значимым. Ведь только благодаря этим поискам и находкам, можно объяснить успех и удачливость стенописи-«фрески» «Разумные и неразумные девы» на стене трапезной в женском Крестовоздвиженском монастыре. Фреска в данном случае условно, так как Виктор писал масляными красками по стене – грунту, а фреска делается по сырой штукатурке.

Мы рассматриваем «фреску» и видим в лицах дев вдумчивость автора, добротность исполнения лиц и одежды, трепетность центральных фигур – Троицы. И памятуя последнее целование у гроба, желаем Виктору войти в двери Небесного Царства.

